

До настоящего времени аустроазиатская языковая семья остается одной из самых малоизученных семей Старого Света. Что касается капитальных исследований, то, если исключить такие известные языки, как вьетнамский, кхмерский, монский, сантали, их количество вряд ли превысит два-три десятка. Подобный уровень изученности давно уже вступил в противоречие с тем комплексом проблем, которые аустроазиатские языки ставят как в плане общей лингвистической теории, так и в плане сравнительно-исторических исследований.

Тем важнее появление книги Я.-О. Свантессона «Фонология и морфология языка кхму». Кхму (камму) — аустроазиатский язык, насчитывающий более 300 тыс. говорящих. Подавляющее большинство из них концентрируется в северном Лаосе. Часть носителей языка проживает также в СРВ, Китае и Таиланде. В книге Я.-О. Свантессона рассматриваются вопросы фонологии, морфологии и морфонологии, затрагиваются также вопросы лексики, компаративистики и исторической фонологии. Таким образом, покрывается большая часть проблем, обычно освещаемых в грамматиках.

Кхму — бесписьменный язык. Как практически все аустроазиатские языки, он обладает чрезвычайным диалектным разнообразием. Отсутствие нормы или хотя бы диалекта, обладающего сильной престижностью, не позволяет считать описание «языка» в полной мере завершенным. Приблизиться к такому описанию можно было бы лишь при условии охвата абсолютно большей части говоров. В настоящее время аустроазиатское языкознание находится на таком уровне, что ни в одной из существующих ныне работ не делается попытки хотя бы отчасти достичь подобного идеала. Максимум, на что может рассчитывать дескриптивная работа по аустроазиатике — описание говора одной деревни с некоторыми параллелями из других диалектов и говоров. В этой связи к достоинствам работы можно отнести четкую локализацию описываемого говора и определение его места среди других говоров и диалектов кхму. Исследование ведется в основном в рамках говора р-на Банмо диалекта юан.

В работе придается большое значение «тональному» характеру диалекта юан. Необходимо хотя бы кратко затронуть этот вопрос, имеющий не столько принципиально-онтологическое, сколько терминологическое значение. Достаточно обоснованной казалась бы следующая система терминов применительно к встречающимся в аустроазиатских языках просодическим различиям. Степень участия голоса при произнесении гласных и включение дополнительных нертовых резонаторов целесообразно было бы называть типом фонации (или, сокращенно, просто фонацией). Различия основного тона по высоте можно назвать регистрами. Наконец, контурные модуляции основного тона следовало бы именовать

тонами. В аустроазиатских языках достаточно широко представлены все три подобных типа просодии. Характерным примером языков с различием фонаций являются тэдрах, седанг, суой. Регистры развились в таких языках, как рианг, кэхо. Наконец, собственно тоны отмечены во вьетнамском, мяонг, данау. При этом количество регистров в языке обязательно равно двум, а количество тонов обязательно больше двух (фонаций, как правило, две, но на этическом уровне может быть и три). Весьма распространен случай комбинации регистровых и фонационных различий в одной эмической единице. В этом случае, как правило, в языке отмечено противопоставление двух просодем: 1) голосовая фонация + высокий регистр, 2) придыхательная или ослабленная фонация + низкий регистр. Подобная ситуация породила тенденцию обозначать фонационные различия термином «регистры». Строго говоря, даже это неверно, так как есть аустроазиатские языки, где регистровые и фонационные различия существуют параллельно и не характеризуются взаимной импликацией. Таков язык ма. Это не единственный случай нестрогого употребления терминов, обозначающих просодические различия. Работы по аустроазиатским языкам изобилуют сочетаниями вроде «глоттализированный тон», «придыхательный регистр» и т. п. Фактически здесь мы сталкиваемся с другим более обиходным пониманием термина «тон» — как синонимом термина «просодическое различие». Весьма интересна также проблема перевода подобных терминов с английского языка на русский и обратно. В существующей англоязычной литературе термины «phonation type» и «register» являются синонимами, их следует переводить на русский как «тип фонации (фонация)». Русский термин «регистр» соответствует в английском термину «pitch».

Описываемый диалект — типично регистровый (с. 15, 67). Поэтому использование автором термина «tone (тон)», а также постоянное подчеркивание «тонального» характера северных диалектов кхму и их «тональной» специфики в отличие от регистров и фонаций других аустроазиатских языков ведет к недоразумениям, так как приравнивает кхму юан к таким собственно тональным языкам, как, например, вьетнамский и китайский. Согласно традиционной точке зрения, наличие тонов считается необычным для аустроазиатских языков. Она имеет под собой определенные основания, так как число тональных аустроазиатских языков невелико, а тоны в них, судя по всему, начали возникать сравнительно недавно. В этом отношении аустроазиатские языки «уступают» соседним семьям — тайской и сино-тибетской. В связи с этим представляется неверным и упоминание о «тоногенезе» в северном кхму. В нем не было тоногенеза, а было обычное для аустроазиатских языков возникновение двух регистров, более

низкий из которых образовался после оглушения исконных звонких. В этом плане северные диалекты кхму не представляют никакой специфики, о чем можно было бы подумать, читая работу.

Сам автор определяет свое исследование в большей степени как эмпирическое, а не теоретическое (с. 126). Однако в настоящее время изучение специфической структуры аустроазиатских языков находится на этапе, требующем глубокого осмысления фактов наряду с их изложением. Здесь могли бы оказаться полезными не только глубокие теоретические разработки, но, прежде всего, создание эффективного терминологического аппарата, четкость и системный подход. В этом плане книга Я.-О. Свантессона имеет ряд существенных достоинств. Весьма плодотворным представляется введение термина «word-base» (с. 12 и 15—16), позволяющего адекватно описывать фонологические структуры не только языка кхму, но, и всех аустроазиатских языков Индокитая. В большинстве случаев подобное понятие необходимо для описания. В отличие от хорошо известных сино-тибетских и тайских языков с их моносиллабизмом, для описания которого достаточен термин «слог», аустроазиатские языки характеризуются иным типом структуры со специфическим различием сильного (major) и предшествующего ему слабого (minor) слогов (или силлаба и пресиллаба). Слабый слог подвержен гораздо большему ограничению, чем сильный. Сильный слог является основным. Пресиллаб как бы приписывается к нему, служит его дополнительной характеристикой, атрибутом. Такую ситуацию можно было бы охарактеризовать как расширенный моносиллабизм. У Я.-О. Свантессона с целью подчеркивания неравноправности пресиллабов word-bases, осложненные ими, названы полуторасиллабическими (sesquisyllabic). В этой связи невозможно описывать «слог вообще», целесообразно определять его место в более протяженном фонологическом единстве, которое имеет общие дистрибуционные ограничения и внутри которого реализуются регистровые правила. Это фонологическое единство и есть word-base. Судя по всему, наиболее адекватный перевод этого термина на русский язык — «фонологическое слово».

Несмотря на то, что автор пишет об использовании интуитивного понимания слова, представляется, что дефиниция «потенциального слова» (полная word-base или производное от нее при помощи словообразовательного оператора, с. 127) могла бы послужить определенной основой для строгого определения слова для языков этого ареала.

В книге имеется еще целый ряд изящных теоретических построений, верных решений, принятых на основании хорошего знания аустроазиатского материала, понимания его специфики. Таковы: положение о том, что префиксы и пресиллабы в кхму суть различные вещи и далеко не всегда совпадают материально (с. 35); идея рассмотрения редупликации как операции над корнем, а не как последова-

тельности сегментов (с. 80); свидетельство свободной вариантности, столь характерной для аустроазиатских языков и упорно игнорируемой в описаниях (например, с. 15). Много внимания уделено довольно интересному и важному для многих языков ареала ЮВА феномену — просодические различия (тоны, регистры, фонации) реализуются, в основном, на рифме, но определяются инициально. Решение видится автору в привлечении генеративной фонологии: непротиворечивое описание на глубинном уровне достигается заменой различия регистров на различие согласных инициалей по звонкости/глухости.

Основная задача книги Я.-О. Свантессона — описание. Оно выполнено всесторонне, исчерпывающе, подкреплено значительным корпусом примеров. Фонологически кхму юан предстает как типичный аустроазиатский язык: со специфическим рядом палатальных смычных, довольно развитой четырехугольной системой вокализма с тремя рядами, оппозицией по долготе у большинства гласных и дифтонгами верхнего подъема. Весьма типичны для аустроазиатских языков и дистрибуционные ограничения, например, диссимилятивные ограничения сочетаемости гласных переднего ряда с финальным /j/, а гласных заднего ряда с финальным /w/ в сильном слоге. Наряду с этим кхму юан обладает некоторыми специфическими особенностями. К ним относятся: дополнительное распределение финальных /ʔ/ и /ø/ в сильном слоге после монофтонгов, наличие низкого регистра после инициали /ʔ/, наличие хотя и редко встречающейся фонологической оппозиции регистра в пресиллабе. Интересно правило перехода дифференциального признака палатальности с шумного смычного сегмента на назальный при аффиксации.

Морфологический анализ кхму затрагивает вопросы аффиксации и редупликации. Таким образом, словосложение и использование служебных слов, вероятно, относятся автором к области синтаксиса. Морфологически кхму также весьма напоминает другие аустроазиатские языки Индокитая. Он характеризуется полным отсутствием суффиксов. Среди префиксов и инфиксов преобладают субстантивирующие, каузативные, взаимные, вербализующие. В материальном плане они родственны соответствующим аффиксам других аустроазиатских языков. Несколько более специфичны результативные префиксы, (переводящие каузативные глаголы в разряд некаузативных), а также адвербализующий префикс и префикс, обозначающий принадлежность к руке (handedness). Наиболее яркое своеобразие кхму проявляется в области просодических несегментных (регистровых) префиксов, а также в ассимиляции финали пресиллаба в зависимости от финали сильного слога при аффиксации. Последнее роднит язык кхму скорее с аустроазиатскими языками Малакки, чем с языками Индокитая. Интересно также то, что в кхму категория инволюнтатива выражается аналитически, а категория простого каузатива в основном синтетически.

В книге собран материал, показывающий особый характер некоторых морфологических явлений: расплывчатость значений аффиксальных элементов (с. 80, 113), окказиональность их употребления (с. 99, 122). В кхму, как и в родственных ему языках, эта тенденция настолько сильна, что подобным феноменам можно было бы придать не морфологический, а какой-либо иной статус, однако это потребовало бы серьезных теоретических обобщений. Тем не менее собранный материал настолько полон, что читатель сам вправе судить о необычности морфологических процессов в кхму. Примером может служить редупликация. В кхму представлены все типы полных и частичных повторений корня при морфологических процессах: с изменением инициалей, рифм, финалей, гласных. Измениться или остаться без изменения может любой отрезок корня, при этом изменения нерегулярны и в субстанциональном плане (с. 84, 90). Закономерен вывод, что повторы в большинстве случаев ложные.

Один из разделов книги посвящен частям речи (word-classes). Разбиение на классы фактически производится только на интуитивно-семантических основаниях. Попытки привлечь для этого синтаксические и иные формальные критерии служат лишь иллюстрацией, фрагментарны и, что самое главное, базируются на различных принципах по отношению к каждому классу и не образуют системы. Например, имена характеризуются как составляющие именной фразы (с. 73), а глаголы — как негационные (способные принимать отрицание) слова (с. 76). Практически отсутствуют попытки отделить знаменательные слова от служебных.

Все слова языка кхму разделены на три части речи: имена, глаголы и экспрессивы. Судя по всему, Я.-О. Свантессоном

впервые для аустроазиатских языков подмечено, что глагольные корни в принципе обладают значительно большей способностью присоединять аффиксы, чем именные. Также впервые экспрессивная лексика выделена в особый класс. Последнее обстоятельство может оказаться весьма плодотворным при дальнейшем изучении морфологических и сопредельных с ними проблем в аустроазиатике. Хотя четкой дефиниции специфики экспрессивов не дается, их можно определить через достаточно обширную совокупность фонологических, морфологических и семантических свойств. Выделено девять регулярных экспрессивов, выражающих: продолжительность действия, продолжительность действия для 1-го лица или предмета, продолжительность действия для многих лиц или предметов, процесс (изменение состояния), процесс для многих лиц или предметов, прерывистое действие, прерывистое действие для многих лиц или предметов (ведущее к этому же состоянию), состояние для многих лиц или предметов. Средствами выражения экспрессивной морфологии, как правило, служат комбинированные операторы из редупликаторов и аффиксов.

В целом книга Я.-О. Свантессона представляет собой самое полное (и во многих отношениях исчерпывающее) описание языка кхму на уровне слова. Для аустроазиатских языков Индокитая — это одна из первых работ, содержащая обширный статистический анализ и использующая материал словесных игр и поэзии. Рецензируемая работа должна вызвать интерес как у исследователей языков ЮВА, так и у всех лингвистов, занимающихся вопросами фонологии, морфологии и морфонологии.

Ефимов А. Ю.